

УДК 343

ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СФЕРЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА: ЭМПИРИКО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

© 2024 г. А. И. Коробеев^{1, *}, А. И. Чучаев^{2, **}

¹ Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

² Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: akorobeev@rambler.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 14.03.2024 г.

Аннотация. В статье на основе проведенного сплошного мониторинга всех изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ с момента его принятия и вплоть до 1 января 2024 г., рассмотрены основные тенденции развития современной уголовно-правовой политики России в сфере законодательства. Проанализированы криминализационные (декриминализационные), а также пенализационные (депенализационные) процессы, выявлены определенные закономерности и новые векторы развития.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, законодательство, тенденции в сфере криминализации (декриминализации), пенализации (депенализации), общие закономерности и новые векторы развития.

Цитирование: Коробеев А.И., Чучаев А.И. Тенденции уголовно-правовой политики современной России в сфере законодательства: эмпирико-аналитическое исследование // Государство и право. 2024. № 5. С. 97–107.

DOI: 10.31857/S1026945224050103

TRENDS IN THE CRIMINAL LAW POLICY OF MODERN RUSSIA IN THE SPHERE OF LAWMAKING: EMPIRICAL AND ANALYTICAL RESEARCH

© 2024 A. I. Korobeev^{1, *}, A. I. Chuchayev^{2, **}

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok

² Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: akorobeev@rambler.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 14.03.2024

Abstract. Based on the continuous monitoring of all changes made to the Criminal Code of the Russian Federation from the moment of its adoption and up to July 1, 2023, the article examines the main trends in the development of modern criminal law policy in Russia in the field of lawmaking. Criminalization (decriminalization), as well as penalization (depenalization) processes are analyzed, certain patterns and new vectors of their development are revealed.

Key words: criminal law policy, lawmaking, trends in the field of criminalization (decriminalization), penalization (depenalization), general patterns and new vectors of their development.

For citation: Korobeev, A.I., Chuchayev, A.I. (2024). Tendencies of the criminal law policy of modern Russia in the sphere of lawmaking: empirico-analytical research // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 97–107.

В уголовной политике современной России в рамках общей тенденции к ее гуманизации (при всей противоречивости и «волатильности» данного процесса) прослеживается постепенный переход от сугубо карательных к реабилитационным и реституционным началам. Это нашло свое выражение в принятых Уголовном кодексе РФ, Уголовно-исполнительном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Однако данный процесс, во-первых, далеко не всеми воспринимается как безусловно позитивный, а во-вторых, развивается отнюдь не однолинейно

Особенно наглядны изъяны уголовно-правовой политики в сфере именно законотворчества. Пороки законодательства (и не только уголовного) приобрели столь масштабный и системный характер, что породили целое направление в теории права под названием «критика законодательства». Его авторы понимают под ней «отрицательное суждение индивида, государственной или общественной организации относительно отдельных юридических норм либо их комплексов, обладающее коммуникативным характером, являющееся результатом законной, творчески поисковой познавательной аналитической преобразующей мыслительной деятельности, осуществляемой на основе самобытных принципов, выполняющей своеобразные функции для повышения качества

правовых актов в целях обеспечения достойной жизни человека»¹.

С целью объективной и документальной проверки разного рода гипотез и предположений, фигурирующих в юридической литературе и касающихся тенденций развития отечественной уголовно-правовой политики, нами был осуществлен сплошной мониторинг всех изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ с момента его принятия в 1996 г. и вплоть до 1 января 2024 г. Полученный материал позволил провести количественный и качественный анализ указанных изменений, а на его основе – сделать ряд примечательных выводов.

Проведенный мониторинг изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ за последние 26 лет, дал возможность установить, что за весь изученный период в Уголовный кодекс РФ 313-ю федеральными законами были внесены 3948 поправок. Из них диспозиции подверглись изменениям 1516, санкции – 2064, примечания к статьям – 368 раз.

В результате столь бурного (и непрерывного) потока законодательных инициатив девственно нетронутых в Уголовном кодексе РФ осталось

¹ Баранов В.М., Ремизов П.В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника. М., 2018. С. 76.

в Общей части – 41, в Особенной части – только пять статей (ст. 284, 336, 353, 356, 358).

Примечательно, что разного рода изменения уже успели коснуться и многих вновь введенных в Уголовный кодекс РФ норм (ст. 110¹, 110², 141¹, 142¹, 145¹, 151¹, 159¹, 159², 159³, 159⁵, 159⁶, 170¹, 170², 171¹, 171², 171³, 172¹, 173¹, 173², 174¹, 185¹, 185², 185³, 185⁴, 185⁵, 185⁶, 191¹, 193¹, 199¹, 199²). Есть в Уголовном кодексе РФ и нормы-рекордсмены. Так, ст. 205 подверглась корректировкам 17, ст. 104¹–48 раз.

В итоге Общая часть УК РФ по состоянию на 1 января 2024 г. обновилась на 60,6%, Особенная часть – на 96,8%. Исключены из Уголовного кодекса РФ (утратили силу) 12 статей, включены (введены) в Уголовный кодекс РФ 165 новелл. Суммарный объем Уголовного кодекса РФ достиг 525 статей. Кодекс, в который с бесконечным постоянством вносятся все новые и новые изменения, воспринимается как несовершенный не только специалистами. 79% респондентов из 800 опрошенных исследователями УрГЮУ Уральского федерального округа назвали Уголовный кодекс РФ несовершенным, а 87% респондентов – неспособным выполнять поставленные перед ним задачи. Это демонстрирует недоверие к Уголовному кодексу РФ со стороны тех, кому адресовано общепредупредительное воздействие данного нормативного акта².

На этом фоне более предпочтительным (с точки зрения стабильности нормативных положений уголовного закона и непротиворечивости его предписаний) выглядит Уголовный кодекс КНР. За почти 25-летнюю историю существования УК КНР в него было внесено всего 11 поправок³.

А теперь проанализируем на примере Уголовного кодекса РФ криминализационные (декриминализационные), а также пенализационные (депенализационные) процессы, благодаря которым репрессия (в идеале) должна постоянно приводиться в соответствие с реалиями социальной действительности, адекватно отражать в себе характер и степень общественной опасности совершаемых преступлений.

Анализ осуществленных изменений действующего уголовного законодательства Российской Федерации позволяет установить следующую закономерность: отчетливо выраженное превалирование

² См.: *Сергеев Д. Н.* Законотворчество в системе уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 128.

³ Подробнее об этом см.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А. И. Чучаева и А. И. Коробеева; пер. с кит. Хуан Даосю. М., 2021; *Гао Минсюань.* Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в Китайской Народной Республике / под науч. ред. Н. А. Сидоровой, И. А. Васильева; пер. с кит. Пан Дунмэй. М., 2022.

числа криминализованных деяний над декриминализованными: актов криминализации (полной или частичной) по состоянию на 1 января 2024 г. насчитывается 443, актов декриминализации (полной или частичной) – всего 118.

Из приведенных сведений нетрудно убедиться, что процесс криминализации и декриминализации общественно опасных деяний носит, во-первых, противоречивый, а во-вторых, взаимоисключающий характер. Между тем баланс и гармония между указанными процессами вполне достижимы, если принимать во внимание следующие соображения.

В результате объективного и закономерного процесса постоянного развития, изменения и совершенствования социальных структур, появления новых общественных отношений возникает необходимость в уголовно-правовой защите некоторых из них. Установлением уголовной наказуемости деяний, могущих причинить вред вновь возникающим общественным отношениям, и обеспечивается такая защита. Отмеченная тенденция является отражением принципа динамизма в уголовном праве. Он, как известно, требует постоянного учета изменений в системе общественных отношений и своевременного отражения их в законе.

Сказанное, разумеется, отнюдь не означает, что уголовно-правовая регламентация должна простираться на все вновь возникающие общественные отношения без исключения. Ставить под защиту уголовного закона необходимо лишь наиболее важные и ценные из них и только тогда, когда такая защита не может быть обеспечена менее репрессивными средствами. Прав акад. В. Н. Кудрявцев: «Уголовно-правовой запрет следует рассматривать как субсидиарный, – в том смысле, что наказание надо устанавливать в качестве последнего средства»⁴.

На нынешнем этапе развития уголовно-правовой политики необходимость в принятии новых и расширении границ действующих уголовно-правовых норм полностью не исключена. Более того, данный процесс пока еще нужно рассматривать не как серию эпизодических мероприятий, а как определенную тенденцию. Суммируя изложенное, следует прийти к выводу, что необходимость расширения до известных пределов сферы уголовной ответственности вполне оправдана целым рядом причин: а) выявившимися на практике пробелами в уголовной наказуемости; б) появлением новых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой защите, или новых общественно опасных деяний, требующих уголовно-правовой борьбы с ними; в) международными соглашениями, в которых участвует

⁴ *Кудрявцев В. Н.* Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 108.

Россия; г) укреплением гарантий защиты конституционных прав и свобод; д) целесообразностью выделения специальных составов из общих (с приданием им дополнительных криминообразующих признаков).

Очевидно, что установление уголовной наказуемости деяний при наличии упомянутых выше причин (и соблюдении всех иных условий криминализации) нельзя признать недостатком уголовного законодательства.

Что же касается «пробуксовки» тенденций в сфере декриминализации, то «консервация» в уголовном законодательстве деяний с уже, казалось бы, давно (и явно) отпавшими основаниями для их криминализации может быть результатом ряда причин. Одна из них, вероятно, кроется в отставании общественного сознания, в силу его известной традиционности, инерционности и консервативности, от бытия. Дело в том, что уже сам факт наказуемости деяния в глазах общественного мнения представляется достаточно веским аргументом против его декриминализации, поэтому отмена уголовной наказуемости требует более развернутой аргументации, чем криминализация деяния.

На позицию законодателя, возможно, оказывают соответствующее воздействие и предложения ученых-юристов, высказываемые ими *de lege ferenda*. Вряд ли мы найдем диссертацию, касающуюся исследования проблем уголовной ответственности за конкретные виды преступной деятельности, автор которой не считал бы своим долгом предложить некоторое количество рекомендаций, направленных на совершенствование действующего уголовного законодательства. Причем признаком хорошего тона считается формулирование предложений, связанных с расширением сферы уголовной репрессии. Примечательно, что из нескольких сот предложений по совершенствованию уголовного законодательства, сделанных в последнее время, более 90% сводятся к расширению ответственности и усилению наказания. В бурном потоке уголовно-правового ригоризма нередко тонут голоса тех, кто выступает за декриминализацию отдельных деяний.

Чрезмерное увлечение криминализационными процессами приводит к появлению целого ряда «квази», «эрзац», «псевдопреступлений» и ставит правоохранительные органы в положение, когда они, образно говоря, вынуждены «стрелять из пушек по воробьям». Иногда недостаточно обоснованная криминализация признается самим законодателем неоправданной, и в дальнейшем такая скоропостижно принятая норма отменяется. Нечто подобное произошло со ст. 159⁴, 173, 182, 200, 265 УК РФ. В правосознании же населения отмеченные законодательные метаморфозы могут

восприниматься как разрешающий сигнал к совершению аналогичных (но еще запрещенных) деяний.

Объективности ради следует отметить, что судебная практика давно нашла «противоядие» к таким статьям, компенсируя отсутствие декриминализации неприменением этих норм. По нашим подсчетам, за последние 25 лет около 15 статей Особенной части УК РФ ни разу не встречались в судебной и следственной практике России. Еще по 31 статье судимость в среднем не превышала одного человека в год. Неприменяемые на практике нормы получили в литературе название «мертвых».

Между тем определенная часть «неработающих» норм содержит ответственность за деяния, довольно часто совершаемые в жизни, но остающиеся безнаказанными в судебной практике в силу трудностей их выявления и доказывания (ст. 121, 125, 143, ч. 1 ст. 215, ст. 268 и др. УК РФ). Степень общественной опасности указанных преступлений еще настолько велика, что не позволяет ставить вопрос о переводе их в категорию проступков. Выходом из создавшегося положения может стать переориентация практики на более последовательное и строгое соблюдение принципа неотвратимости ответственности применительно к названным составам.

Наконец, имеется еще одна группа норм, неприменение которых обусловлено отпадением оснований для криминализации предусмотренных ими деяний при весьма высокой распространенности их в реальной действительности (ст. 171¹, 180, 326 и др. УК РФ). Разрыв между содержанием подобных запретов и реальными потребностями более чем очевиден. Он может быть преодолен только путем отмены уголовно-правовых норм, переставших соответствовать социальным ожиданиям. Сохранение в уголовном законодательстве таких норм неоправданно и даже вредно, ибо порождает у населения отношение к уголовному закону как к недейственному. Если верно, что практика — критерий истины, то следует признать и то, что массовое неприменение на практике отдельных уголовно-правовых норм означает их несостоятельность, ненужность, криминализационную избыточность. На наш взгляд, преступления этой группы подлежат декриминализации. Чтобы такая декриминализация не создавала иллюзию безнаказанности, она может быть нейтрализована введением или усилением административной ответственности.

Законодатель отчасти уже встал на этот путь. Так, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» предусмотрены: декриминализация заведомо ложной рекламы (ст. 182 УК), обмана потребителей (ст. 200 УК РФ), оставления места дорожно-транспортного происшествия (ст. 265 УК РФ), отказ от уголовной наказуемости причинения

по неосторожности вреда здоровью средней тяжести, некоторые другие нововведения, свидетельствующие уже не столько даже о гуманизации, сколько о либерализации (едва ли до конца оправданной) российской уголовно-правовой политики.

Вместе с тем упомянутый Федеральный закон содержит ряд дефектов. В литературе справедливо отмечалось, что при реформировании уголовного законодательства был нарушен принцип системности, допущено немало отступлений от законов формальной логики и требований полноты и непротиворечивости уголовного закона, включено в Уголовный кодекс РФ много нерациональных либо недостаточно определенных решений⁵. Так, нелепая ситуация сложилась со ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному). Дело в том, что в ч. 1 ст. 124 УК РФ речь идет о причинении вреда здоровью средней тяжести. Обращает на себя внимание тот факт, что с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. ст. 124 УК РФ осталась единственной нормой, в которой не декриминализовано причинение вреда здоровью средней тяжести по неосторожности. Иначе как элементарным промахом, «зевком» законодателя это не объяснить.

Особый интерес представляют те изменения Общей части УК РФ, которые рикошетом ударили по целому ряду норм Особенной части УК РФ. Имеются в виду отказ законодателя от института неоднократности преступлений (с исключением из УК РФ ст. 16) и изменение в связи с этим понятия «совокупность преступлений» (ст. 17 УК РФ). Упомянутые законодательные метаморфозы привели к резкому изменению правил квалификации некоторых видов преступлений. Вряд ли можно отнести к достоинствам действующего законодательства наметившуюся в последнее время тенденцию ко все большей дифференциации уголовной ответственности за счет выделения из общих норм все новых и новых специальных статей. Представляется сомнительным, что изготовление и оборот материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242¹ УК РФ) настолько общественно опаснее просто незаконного распространения порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ), что действительно возникла острая необходимость в выделении первого из упомянутых преступлений в самостоятельный состав.

В целом Уголовный кодекс РФ 1996 г. страдает, по нашему мнению, ярко выраженной криминализационной избыточностью. Концептуально это было обусловлено восприятием проектантами нового Уголовного кодекса РФ идеи не «маленького и жесткого», а «большого и мягкого» Уголовного

кодекса РФ. Однако в еще большей степени дефектность Уголовного кодекса РФ проистекает от того, что в процессе его разработки и принятия практически почти полностью была проигнорирована теория криминализации и декриминализации. Без особого риска ошибиться можно утверждать, что за исключением деяний, относящихся к так называемому «ядру преступного» (убийства, кражи, грабежи, разбой, изнасилования etc), многие новеллы вводились в Уголовный кодекс РФ без какого бы то ни было учета всей суммы факторов, обуславливающих допустимость, возможность и целесообразность установления уголовно-правового запрета. Процесс законотворчества в этой части носил почти исключительно умозрительный характер. Особенно наглядно это видно на примере норм, «поселившихся» в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ.

Псевдокриминализацией следует признать появление в Уголовном кодексе РФ таких составов преступлений, как «злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (ст. 201¹) и «злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (ст. 285⁴). Первое из них является «клоном» деяния, предусмотренного ст. 201 УК РФ, второе — специальной разновидностью преступления, закрепленного в ст. 285 УК РФ. Стремление законодателя усилить наказуемость вновь изобретенных преступлений можно было вполне успешно реализовать в рамках их общих составов, преобразовав их в квалифицированные виды.

Целой серией федеральных законов в 2010–2023 гг. в Уголовный кодекс РФ были внесены очередные изменения, касающиеся сферы как криминализации, так и декриминализации. Отдельные из этих нововведений можно было бы только приветствовать. Если бы имела уверенность в том, что законопроектные работы базировались на строго научной основе, прошли криминологическую экспертизу, учитывали все те требования, которые разработаны теорией криминализации и пенализации и предъявляются к такого рода деятельности. Однако хорошо известно другое: и проектанты уголовного закона, и сам законодатель в своей нормотворческой практике по-прежнему опираются на все что угодно, но только не на теорию криминализации и пенализации общественно опасных деяний в качестве ключевого элемента российской уголовно-правовой политики. Как здесь не вспомнить Г. Спенсера, который утверждал: «Ни в одном деле нет такого поразительного несоответствия между сложностью задачи и неподготовленностью тех, кто берется за ее решение. Несомненно, одно из всех чудовищных заблуждений людей, самое чудовищное, заключается в том, что для того, чтобы овладеть каким-нибудь несложным ремеслом, например, ремеслом сапожника,

⁵ См.: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2005. С. 5 и след.; Российское уголовное право: традиции, современность, будущее. СПб., 2005. С. 15 и след.

необходимо долго учиться, а единственное дело, которого не требует никакой подготовки, – это искусство создавать законы для целого народа»⁶. Вот почему мы имеем в России тот уголовный закон, который имеем: бессистемный, фрагментарный, внутренне разбалансированный, внешне аморфный. Налицо, таким образом, кризисные явления не только в отечественном уголовном праве как отрасли, но и в уголовно-правовой политике в целом.

В результате мы получили ситуацию, когда без радикальной ломки (и чистки) Особенной части УК РФ исправить положение невозможно. Остается, по-видимому, накапливать какое-то время опыт применения (и неприменения) в судебной практике соответствующих норм с тем, чтобы в будущем, в процессе реформирования нынешнего уголовного законодательства учесть допущенные при его проектировании ошибки и сконструировать еще один Уголовный кодекс РФ уже в строгом соответствии с требованиями теории криминализации и пенализации. При этом, как думается, есть резон вернуться к идее «маленького, но жесткого УК РФ», переведя часть ныне уголовно наказуемых деяний в разряд гражданско-правовых деликтов, дисциплинарных или административных проступков.

Анализ имеющейся количественной информации, характеризующей особенности наказуемости деяний в России, позволяет обнаружить тенденцию, суть которой сводится к примату пенализации над депенализацией. Всего, по нашим подсчетам, за период действия Уголовного кодекса РФ 1996 г. (по состоянию на 1 января 2024 г.) деяния пенализировались 2084 раза, актов же депенализации насчитывается 1422. Из приведенных данных видно, что количество актов усиления наказуемости (пенализации) на 31.8% превышает число актов ее ослабления (депенализации).

Означает ли изложенное, что происходит явное ужесточение уголовной репрессии? Если ориентироваться только на характер санкций, в т.ч. и измененных, то ответ будет безусловно утвердительным. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 92.8% санкций, содержащихся к сегодняшнему моменту в нормах Особенной части УК РФ, предусматривают в качестве вида наказания лишение свободы.

О том же говорит и факт существенного увеличения пределов срочного лишения свободы, сохранения смертной казни, включения в Уголовный кодекс РФ в качестве наказания пожизненного лишения свободы. По Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. самый большой срок лишения свободы составлял 15 лет безотносительно к тому,

назначалось ли наказание за единичное преступление, по совокупности преступлений или по совокупности приговоров. В ряде правовых ситуаций предельный срок срочного лишения свободы был еще существенно ниже. По Уголовному кодексу РФ 1996 г. лишение свободы за отдельные преступления установлено на срок от двух месяцев до 20 лет. В случае частичного или полного сложения сроков лишения свободы при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы установлен в 25 лет (за ряд преступлений – в 30 лет), а по совокупности приговоров – в 30 лет (за ряд преступлений – в 35 лет). Следовательно, если даже не принимать во внимание того, что в санкциях статей появилось еще и пожизненное заключение, можно констатировать ужесточение российского уголовного законодательства, как правильно считает Д.А. Шестаков, по крайней мере в два раза, что означает существенное отступление по сравнению с более гуманным (в части лишения свободы) последним советским законодательством⁷.

Еще одним показателем (пожалуй, самым объективным) обоснованности, оптимальности и эффективности разработанных законодателем видов и размеров уголовных наказаний (а также мер уголовно-правового характера) служит практика их назначения по конкретным уголовным делам, т.е. фактическая пенализация.

В этой связи возникают отнюдь не риторические вопросы: насколько адекватны заложенные в системе виды наказаний и содержащиеся в санкциях статей их размеры характеру и истинной степени общественной опасности запрещенных деяний, насколько они соответствуют карательным притязаниям правоприменителя?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо не только иметь общее представление о видах назначаемых наказаний, но обладать информацией об их конкретных размерах в сопоставлении с нижними и верхними значениями санкций соответствующих норм, а также их медианами. Вполне естественно, что подобного рода исследования можно проводить лишь применительно к определенным видам преступлений. Судебная статистика дает возможность для осуществления таких изысканий.

В качестве иллюстративного материала используем статистические данные о фактической пенализации по делам о преступлениях против жизни и здоровья. Так, в 2020 г. в судебной практике наказание за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) в виде лишения свободы на определенный

⁶ Спенсер Г. Грехи законодателя // Соц. исследования. 1992. № 2. С. 136.

⁷ См.: Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4. С. 158.

срок тяготело в основном к его ниже медианному значению (2066 осужденных), ближе к медиане наказание было назначено 15 015 осужденным, выше медианы и ближе к максимальным показателям санкции — 412 осужденным. Примечательно, что по 150 приговорам было назначено наказание ниже низшего предела, а в отношении 27 осужденных вынесен приговор в виде условного осуждения к лишению свободы. Несколько иначе дела обстояли при назначении наказаний за квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Медианному значению наказания соответствовало 393 приговора, выше медианы — 309, ниже — 249 приговоров.

Из соотношения приведенных данных видно, что правоприменитель общественную опасность простых убийств оценивает гораздо либеральнее, чем законодатель: 51.6% наказаний тяготеет к минимальному показателю санкции или даже выходит за ее пределы. Что касается наказуемости квалифицированных убийств, то здесь между законодателем и правоприменителем наблюдается консенсус, их позиции почти полностью совпадают: число приговоров, близких к медиане и максимальному значению санкции, составляет 73.8%.

А вот фактическая пенализация умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) характеризуется стремлением правоприменителя назначать сравнительно мягкие наказания за совершение не только простого преступления (ч. 1 ст. 111 УК РФ), но и его квалифицированных видов (с учетом, конечно, того обстоятельства, что нижний порог наказания во всех четырех частях анализируемой статьи «опущен» самим законодателем до двух месяцев лишения свободы). Так, из 8950 приговоров за совершение всех квалифицированных видов этого преступления лишь по 2.2% из них назначалось наказание ближе к максимумам соответствующих санкций, а 4048 подсудимых подверглись условному осуждению. Видимо, это тот случай, когда правоприменитель по достоинству оценил раскритикованный в доктрине уголовно-правовый и не имеющий аналогов в законодательстве других стран мира шаг отечественного законодателя по либерализации уголовной репрессии.

В целом же в практике применения норм из гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» УК РФ наблюдается явный крен в сторону назначения наказаний, в меньшей степени совпадающих с их медианными значениями, в большей степени — тяготеющих к нижним пределам: из 22 272 приговоров к наказанию в виде лишения свободы 16 187 (или 72.7%) содержали наказание, близкое к медиане или ниже нее. А если к этому добавить 15 533 приговора, содержащих условное осуждение, то картина с характеристикой карательных

притязаний правоприменителя на фоне предлагаемых ему законодателем моделей поведения при выборе санкций станет и вовсе завершенной⁸.

Тенденция к ужесточению наказуемости деяний просуществовала вплоть до конца 2011 г. Благодаря мощному «вбросу» законодателем в Уголовный кодекс РФ такого нового вида наказания, как принудительные работы, расширению сферы возможного применения обязательных и исправительных работ отмеченная выше тенденция изменилась на прямо противоположную. По состоянию на 1 января 2012 г. суммарное число актов депенализации за минувший год достигло 670, актов же пенализации насчитывалось 236.

Снятие нижнего порога наказания в виде лишения свободы в санкциях 68 статей Уголовного кодекса РФ в 2011 г. привело к тому, что институт «судейского усмотрения» превратился, по сути, в «судебный произвол». Такое решение законодателя привело к разрыву в 30–60 раз между верхними и нижними пределами размеров наказаний за совершение одних и тех же или схожих по категории тяжести видов преступлений⁹. Нигде в мире у суда нет возможности за тяжкое преступление назначать наказание в виде лишения свободы на срок от двух месяцев до 15 лет (ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 186 УК РФ).

Предоставление же судам (ч. 6 ст. 15 УК РФ) возможности по своей прихоти менять категоризацию преступлений поставило их (суды) на один уровень с самим законодателем, ибо теперь они уже сами вправе осуществлять частичную депенализацию некоторых категорий преступлений. Все это создало доселе невиданные предпосылки для коррупции в сфере осуществления уголовного судопроизводства. Несмотря на жестко негативную реакцию научного и правоприменительного сообщества, законодатель до сих пор не отступает от своей весьма сомнительной в этом вопросе позиции.

Однако гораздо дальше в этом направлении пошел нормотворец России в 2011–2023 гг. Федеральными законами внесены существенные коррективы в систему и виды уголовных наказаний, в порядок их назначения, в условия освобождения от уголовной ответственности и наказания. В пояснительных записках к некоторым из них подчеркивалось, что данные законы направлены на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства России.

⁸ См.: Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. II. Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон. СПб., 2021. С. 305–307.

⁹ См.: Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 9.

В сфере пенализации и депенализации указанные нормативные правовые акты содержат следующие новации.

1. Исключена возможность (за некоторым исключением) замены штрафа в случае злостного уклонения от его уплаты лишением свободы. Расширена возможность применения штрафа в качестве основного вида наказания. Максимальный размер штрафа увеличен до 5 млн руб. За отдельные виды преступлений штраф может быть назначен на сумму до 500 млн руб. В 2018 г. уточнена трактовка понятия штрафа применительно к субъектам некоторых новых видов преступлений.

2. Увеличен максимальный срок наказания в виде обязательных работ с 240 до 480 часов.

3. Предусмотрено, что исправительные работы суд вправе назначить осужденным, как не имеющим, так и имеющим основное место работы. Последние должны отбывать это наказание по основному месту работы.

4. В целях расширения возможности для суда назначать наказания, не связанные с лишением свободы, введен новый вид наказания – принудительные работы. Принудительные работы, предусмотренные как альтернатива лишению свободы за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а также за совершение впервые некоторых тяжких преступлений, отбываются в специально созданных исправительных центрах. В 2018 г. расширены основания, учитываемые при замене принудительных работ лишением свободы.

5. Арест не может быть назначен лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора 18-летнего возраста.

6. Установлено положение, согласно которому по общему правилу наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств. Вместе с тем за совершение целого ряда особо тяжких преступлений при назначении наказаний в виде лишения свободы повышен его максимальный предел до 30 лет (по совокупности преступлений) и до 35 лет (по совокупности приговоров).

7. Расширен перечень составов преступлений, за совершение которых при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы может достигать 25 лет, а по совокупности приговоров – 30 лет.

8. Расширена сфера возможного применения пожизненного лишения свободы в качестве наказания за совершение особо тяжких преступлений

против здоровья и общественной нравственности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста.

9. В ст. 63 УК РФ включены новые виды обстоятельств, отягчающих наказание: п) совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней); н) совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов, а также с применением физического или психического принуждения; 1¹) совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ; р) совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

10. Введены новые правила назначения наказания по совокупности преступлений, направленные на смягчение ответственности. В то же время установлен запрет на назначение наказания ниже низшего предела или более мягкого вида наказания виновным в совершении определенных видов особо тяжких преступлений.

11. Ограничена сфера условного осуждения путем исключения возможности его назначения осужденным за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, а также осужденным за преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 205¹, ст. 205², ч. 2 ст. 205⁴, ч. 1–3 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ст. 210¹ и 360 УК РФ.

12. Уголовный кодекс РФ дополнен статьей, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления экономической направленности, если эти лица полностью возместят ущерб и перечислят в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба.

13. Введена норма, согласно которой лицо, впервые совершившее преступление небольшой или

средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред (ст. 76² УК РФ). Судебный штраф отнесен законодателем к иным мерам уголовно-правового характера (гл. 15² УК РФ).

14. Предусмотрено предоставление отсрочки отбывания наказания лицу, которому впервые назначено наказание в виде лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, признанному больным наркоманией и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию. Отсрочка дается до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет (ст. 82¹ УК РФ). В зависимости от результатов лечения по усмотрению суда лицо может быть освобождено от отбывания наказания или оставшейся его части.

15. Ужесточен институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в отношении некоторых категорий осужденных.

16. Ограничена возможность применения отсрочки отбывания наказания в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста.

17. Введены более строгие правила освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда в отношении осужденных, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания.

18. Увеличены сроки, учитываемые при решении вопроса о погашении судимости в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления.

19. Расширен перечень составов преступлений, за совершение которых несовершеннолетний не подлежит освобождению от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ.

20. Дальнейшей экспансии (в законе, а не на практике) подвергся институт конфискации имущества.

21. Наконец, нельзя не обратить внимание на то, что начиная с 2014 г. «маятник» уголовной репрессии вновь качнулся в сторону, противоположную от линии ее гуманизации. Это выразилось прежде всего в заметном расширении законодателем круга преступного и ужесточении им же наказуемости уже существующих уголовно-правовых запретов. Так, были существенно ужесточены санкции в статьях, предусматривающих ответственность

за преступления террористической направленности (ст. 205¹, 205³, 205⁴, 205⁵ УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК), небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224 УК РФ), незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), нарушение установленных правил караульной службы (ст. 342 УК РФ) и др.

22. Изменилась трактовка понятия лица, совершившего преступление в состоянии опьянения (ст. 23 УК РФ).

23. Расширен перечень преступлений, за совершение которых к их субъектам срок давности не применяется (ч. 5 ст. 78 УК РФ).

Несложно заметить, что и в новейший исторический период уголовно-правовая политика в сфере пенализации и депенализации носила зигзагообразный характер.

Из обзора изменений уголовного законодательства в последние 10 лет легко обнаружить, как практически одновременно и параллельно с гуманизацией некоторых видов уголовных наказаний, либерализацией правил назначения наказаний и освобождения от них шел обратный процесс — «точечное» (но весьма ощутимое) ужесточение уголовной репрессии.

Так, именно в этот период на фоне расширения шкалы наказаний за счет включения в нее альтернативных лишению свободы новых видов, резкого сужения сферы возможного применения лишения свободы к определенной категории лиц, совершающих преступления небольшой тяжести, введения в Уголовный кодекс РФ новых видов освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания, изменения параметров исчисления сроков наказаний и зачета наказаний, отсрочки отбывания наказания произошло усиление карательных притязаний, которое выразилось в ужесточении отдельных видов наказаний как в целом, так и при применении их к осужденным за совершение ряда конкретных преступлений, в появлении в Уголовном кодексе РФ новых видов отягчающих наказание обстоятельств, в ограничении сферы условного осуждения, в расширении перечня составов преступлений, за совершение которых может быть назначена конфискация имущества, и др.

Вместе с тем необходимо учитывать, что акты депенализации, хотя и меньшие по количеству, затрагивают тем не менее обширную сферу уголовно-правовых отношений, а потому объем уголовной репрессии в результате введения в закон и широкого применения на практике таких институтов, как условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочка исполнения приговора, иные виды освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания, заметно сокращается.

Так, именно в настоящий период мы наблюдаем расширение шкалы наказаний за счет включения в нее альтернативных лишению свободы новых видов, резкое сужение сферы возможного применения лишения свободы к определенной категории лиц, совершающих преступления небольшой тяжести, введение в уголовный закон новых видов освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (в связи с возмещением ущерба, с назначением судебного штрафа), изменение параметров исчисления сроков наказаний и зачета наказаний, отсрочки отбывания наказания и др.

Таковы основные количественные и качественные показатели работы российского законодателя в ходе реализации им уголовно-правовой политики в сфере пенализации (депенализации) за последнюю четверть века. Оценка этих показателей позволяет констатировать, что при всей объективно наблюдаемой хаотичности, спонтанности, разнонаправленности и бессистемности внесенных в Уголовный кодекс РФ изменений реализация заложенных во вновь принятых законах предложений, по мнению их разработчиков, должна привести к существенному снижению судимости и сокращению числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы (на 25–30%). Государство в силу целого ряда экономических и других причин неспособно обеспечить не только реальное применение всех наказаний, закрепленных в Уголовном кодексе РФ, но и фактическое отбытие наказания в виде лишения свободы всеми, кто к нему осужден¹⁰.

На этом фоне не вызывает удивления тот факт, что суммарное число актов практической депенализации приближается сегодня к отметке в 300 тыс. человек в год, что можно рассматривать как стремление правоприменителя использовать заложенные в законодательстве резервы для смягчения чрезмерной остроты и широты уголовной репрессии. Это может служить косвенным подтверждением уже высказанной ранее мысли о том, что депенализация (и в законе, и на практике) на современном этапе развития отечественной уголовно-правовой политики выбрана одним из главных инструментов удержания равновесия между завышенными ожиданиями успехов в бескомпромиссной борьбе с преступностью и реальными возможностями такой борьбы¹¹.

В результате можно, по-видимому, констатировать, что законодатель в интересующей нас сфере больше придерживается тактики «кнута» (в основном ужесточая репрессию и расширяя ее рамки)

и лишь на определенных этапах (главным образом под воздействием конъюнктурных соображений) подслащает горькую криминализационную пилюлю депенализационным «пряником».

* * *

Таким образом, если общим трендом развития уголовно-правовой политики России в сфере законотворчества является отчетливо прослеживаемая линия на расширение уголовной репрессии и перманентное ее ужесточение, то особенностью нынешнего этапа реализации уголовно-политических установок, направленных на противодействие преступности, и одновременно новым вектором развития российской уголовно-правовой политики следует признать курс на сдерживание карательных притязаний за счет включения в уголовное законодательство и широкого применения на практике разного рода видов и мер, позволяющих освобождать виновных в совершении преступления лиц от уголовной ответственности и (или) от наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов В. М., Ремизов П. В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника. М., 2018. С. 76.
2. Гаврилов Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 9.
3. Гао Минсюань. Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в Китайской Народной Республике / под науч. ред. Н. А. Сидоровой, И. А. Васильева; пер. с кит. Пан Дунмэй. М., 2022.
4. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 309, 310.
5. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 108.
6. Макеева Н. В. Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ // Lex russica. 2016. № 7 (116). С. 153.
7. Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. II. Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон. СПб., 2021. С. 305–307.
8. Российское уголовное право: традиции, современность, будущее. СПб., 2005. С. 15.
9. Сергеев Д. Н. Законотворчество в системе уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 128.
10. Спенсер Г. Грехи законодателя // Соц. исследования. 1992. № 2. С. 136.
11. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2005. С. 5.

¹⁰ См.: Макеева Н. В. Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ // Lex russica. 2016. № 7 (116). С. 153.

¹¹ См.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 309, 310.

12. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева и А.И. Коробеева; пер. с кит. Хуан Даосю. М., 2021.
13. *Шестаков Д.А.* Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4. С. 158.
6. *Makeeva N.V.* Criminal policy in the context of modernization and postmodernization processes: comparative legal analysis // Lex russica. 2016. No. 7 (116). P. 153 (in Russ.).
7. The complete course of Criminal Law: in 10 vols. Vol. II. Criminal Law and criminal law policy. Criminal Law. SPb., 2021. Pp. 305–307 (in Russ.).
8. Russian Criminal Law: traditions, modernity, future. SPb., 2005. P. 15 (in Russ.).
9. *Sergeev D.N.* Lawmaking in the system of criminal law regulation // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2018. Iss. 39. P. 128 (in Russ.).
10. *Spencer G.* Sins of the legislator // Social research. 1992. No. 2. P. 136 (in Russ.).
11. Criminal Law: development strategy in the XXI century. М., 2005. P. 5 (in Russ.).
12. Criminal Code of the People's Republic of China / under the general editorship of A.I. Chuchaev and A.I. Korobeev; transl. from China Huang Daoxiu. М., 2021 (in Russ.).
13. *Shestakov D.A.* Russian criminal law policy from the point of view of the historical tendency to mitigate repression // Pravovedenie. 1998. No. 4. P. 158 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Baranov V.M., Remizov P.V.* Criticism of legislation: doctrine, practice, technique. М., 2018. P. 76 (in Russ.).
2. *Gavrilov B. Ya.* Modern criminal policy of Russia: figures and facts. М., 2008. P. 9 (in Russ.).
3. *Gao Mingxuan.* The origin, formation and development, improvement of criminal legislation in the People's Republic of China / under the scientific editorship of N.A. Sidorova, I.A. Vasilyev; transl. from China Pan Dongmei. М., 2022 (in Russ.).
4. *Korobeev A.I.* Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis. М., 2019. Pp. 309, 310 (in Russ.).
5. *Kudryavtsev V.N.* Law, deed, responsibility. М., 1986. P. 108 (in Russ.).

Сведения об авторах

КОРОБЕЕВ Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета; 690922 Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

ЧУЧАЕВ Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOROBEEV Alexander I. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University; 10 village Ajax, 690922 Primorsky Krai, Vladivostok, Russian Island, Russia

CHUCHAEV Alexander I. — Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia